

Театральные боги

без Чехова и Шекспира

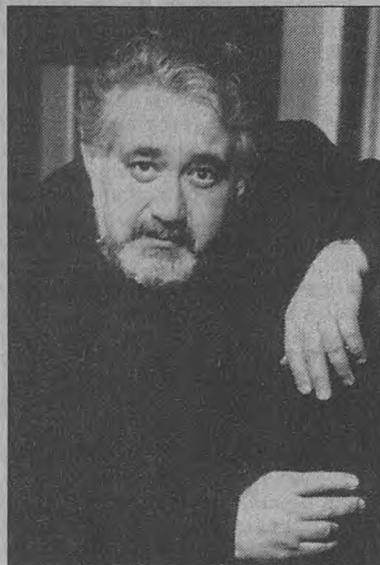
МОЛЛЮСК И ВЫКИДЫШ

Из семи показанных на фестивале спектаклей не было ни одного «шекспира-чехова». Вообще ни одного классического текста. То есть при первом взгляде на афишу мнилось, что итальянский «Гамлет» имеет какое-то отношение к Шекспиру, но впечатление оказалось обманчивым: этот «Гамлет-моллюск» (так он представлен в афише) не имеет отношения не только к Шекспиру, но даже и к самому себе. Унылый великовозрастный детина, страдающий явным аутизмом, в течение полутора часов слоняется по сцене. Прodelьывает он за это время следующее: стреляет из пистолета; падает, разбивая голые колени; карябает на стене «I'm aborto» («Я выкидыш»); извлекает из себя нечленораздельные звуки, в которых можно уловить смесь английского с итальянским; стреляет из пистолета; пишет на голой груди «SON» («СЫН»); опять стреляет из пистолета; разбивает каблуком горящие лампочки; вздыхая, поминает Офелию; стреляет из пистолета; мучит плюшевого мишку... Выстрелов и взрывов петард за время спектакля было произведено около 40, а зрителей из зала ушло всего около 10 — таким образом, можно считать, что почти в 30 случаях Гамлет промахнулся.

ЖЕЛТО-ОРАНЖЕВЫЙ БРУК

Дальше о фестивальной программе. Из семи спектаклей, если исключить «Дом» двадцатилетней давности, только один (!) был построен на диалогах («Костюм» Питера Брука). Было три моноспектакля: голландские «Негашеная извесь» и «Голоса»; упомянутый итальянский «Гамлет». И еще два — «Мольба» берлинского театра «Шаубюне» в постановке Томаса Остермайера по пьесе Сары Кейн и «Молли Суини» санкт-петербургского Малого драматического театра по пьесе Брайана Фрилла — состояли из монологов, которые актеры произносят, не глядя друг на друга.

Полная противоположность этому холодному и страдающему театру — весь наполненный теплыми оранжевыми и желтыми тонами и простонародным оптимизмом «Le Costume» Питера Брука. Его театр, как часто бывает в его спектаклях, — квадратный коврик посреди сцены и четыре актера. Все четверо — африканцы, и драматург Кан Темба — африканец, и история — аф-

Режиссер Лев Додин.
Фото из газеты «Вечерний клуб»

риканская, из жизни южноафриканского Софийтауна. Если в спектаклях Додина и Остермайера актер обращается в воздух мимо стоящего рядом партнера, то у Брука в партнеря превращается простой костюм. Любовный треугольник: он, она и костюм. Муж находит в доме костюм удравшего через окно любовника жены и, пригрозив своей Матильде расправой за непослушание, говорит, что отныне костюм поселится вместе с ними и жена обязана оказывать ему почести как самому дорогому гостю. И так в игре с воображаемыми предметами добавляется игра с воображаемым человеком. В таком театре «каждый глупый фарс неожиданно оборачивается жизнью», — вот чего, по его словам, добивается Брук. Так и в «Костюме»: затянувшаяся шутка с костюмом заканчивается всамделишной смертью героини.

У ДОДИНА ОПЯТЬ БАССЕЙН. НО БЕЗ ВОДЫ

Главное событие фестиваля в Таормине — мировая премьера спектакля Льва Додина «Молли Суини». Последняя точка, которую Додин прямой линией уверенно соединяет с первой точкой — с «Домом». Кажется, что худрук Малого драматического театра намеренно поставил эти два спектакля рядом, будто полемизируя с самим собой, каким он был двадцать лет назад. В «Доме» нет главного героя, и вместо него — темная, шевелящаяся, плачущая и радующаяся

масса. Люди. Человечки, каждый из которых — всего лишь частичка общего Дома. Вместе пьют, вместе поют, вместе умирают.

В «Молли Суини» трое героев: муж — Сергей Курьшев, слепая жена — Татьяна Шестакова, и доктор — Петр Семак. Они, по очереди оборачиваясь к нам из своих огромных плетеных кресел на колесиках, вспоминают связывающую (или разъединяющую?) их историю. Только Молли слепа в медицинском смысле этого слова, но никто из персонажей не видит друг друга. Да и есть ли в самом деле кто-то рядом?

В финале «Дома» Михаил (Николай Лавров) говорит: «Тридцать лет назад отец, уходя на войну, поднял меня на руки и спросил: «Ты понимаешь меня?». Тридцать лет я думал, что же он имел в виду. И только теперь я, кажется, начал понимать».

«Понимать — не то же самое, что видеть», — не раз и не два повторяют персонажи. Слепой Молли делает удачную операцию, и она начинает немножко видеть, но перестает понимать. Зрение возвращено только частично, и весь мир теперь перед ее глазами, как на полотне художника-абстракциониста, уподобен пятнам разных цветов, и непонятно, где кончается ее сознание и где начинается реальный мир.

В последних двух своих спектаклях («Пьеса без названия» и «Чевенгур») Лев Додин целиком отдался стихии воды, пустив своих актеров в плавь. Зоилы поругивали его за пристрастие к водемам, но в новом спектакле, словно назло своим критикам, Додин вместе с художником Давидом Боровским снова выстраивает на сцене бассейн! Но на этот раз высохший, без воды, с пожухлыми осенними листьями на дне. Туда, в эту сушь, спустится к финалу спектакля Молли Суини — женщина, которой, как и агностику Додину, никогда не понять этот странный мир.

На спектакле «Молли Суини» иногда кажется, что и режиссеру вслед за его зашедшей в тупик героиней не выплыть, что он сознательно загнал себя в сухой бассейн такого театра — монотонного, неброского, моменты просто навещающего сон. Впрочем, выводы делать рано. Вполне возможно, что спектакль (в Таормине он шел поздно ночью, два с половиной часа без антракта) будет сокращен, изменен, наконец, просто элементарно доделан.

Глеб СИТКОВСКИЙ

Вечерний клуб.

Подписной индекс 34296

Скала над морем. По скале, цепляясь, спускаются вниз сады. А на вершине — прекрасные руины. Это театр, который эллинистическая цивилизация, прежде чем погибнуть, оставила тут, на восточном побережье Сицилии. Можно с уверенностью утверждать, что древнегреческие развалины на фоне Средиземного моря, некогда вдохновлявшие декадансного художника Густава Климта, видели почти все великие театральные режиссеры нашего времени. Потому что эти самые режиссеры по традиции съезжаются каждый год со всего мира в маленький городок Таормина, дабы выказать друг другу знаки почтения. Вручается премия «Европа — театру».

Традиция создалась и укрепилась совсем недавно, в середине 80-х. Но сейчас, к 2000 году, премия «Европа — театру» стала, кажется, самой-самой авторитетной в театральном мире — что-то наподобие «Оскара», что ли. Перечислить лауреатов этой премии — все равно что по чьей-нибудь просьбе назвать всех известных современных театральных деятелей: Ариана Мнушкин, Питер Брук, Джорджо Стрелер, Хайнер Мюллер, Роберт Уилсон, Лука Ронкони, Пина Бауш. И вот восьмым к почетному списку причислен Лев Додин — первый из российских режиссеров, получивший в этом году и сам приз, и прилагающиеся к нему 60 тысяч евро.

Лев Додин привез сюда два своих спектакля: «Дом» по прозе Федора Абрамова, с которого ровно 20 лет назад начинался создаваемый им театр, и «Молли Суини» по пьесе ирландца Брайана Фрилла, заявленную в афише фестивалю как мировая премьера. Начала и концы, так сказать.

Свои работы в Таормине показали все без исключения лауреаты, и еще в качестве «специального блюда» организаторы предложили гостям «Костюм» — новый спектакль Питера Брука, уже получившего свою премию несколько лет назад. Итого — 7 спектаклей за 4 дня. Старожилы таорминских встреч говорят, что не помнят столь интересной и насыщенной программы.